

Томный классик и злобный импрессионист

Борис Бровцын
и Екатерина Апекишева в Доме музыки

Коммерсантъ - 2004 - 6

концерт классика *март - е. 8*

В Московском доме музыки на Красных холмах концерт из цикла «Возвращение. Портреты» сыграл скрипач Борис Бровцын с пианисткой Екатериной Апекишевой. ВАРВАРУ ТУРОВУ расстроила фортепианная составляющая концерта.

Фестиваль камерной музыки и одноименный Фонд «Возвращение» (см. „Ъ“ от 15 января) имеют один существенный недостаток. Степень известности молодых музыкантов, играющих в проектах фонда, вопиющим образом не соответствует степени их исполнительского мастерства. Не будет преувеличением сказать, что под маркой «Возвращение» выступают лучшие молодые музыканты.

О Борисе Бровцыне всерьез заговорили во время прошлого конкурса Чайковского. Причиной тому была и восхитительно артистичная игра скрипача, и тот абсурдный факт, что его не допустили до финала, лишив публику возможности услышать наверняка ярчайшую трактовку концерта Чайковского. Фирменный стиль скрипача — экспрессивный, искренний, романтический, но начисто лишенный сентиментальных слюней и соплей и иногда даже грубый. В этом смысле от ансамбля скрипача с не подевичьи мощной, сильной пианисткой Екатериной Апекишевой можно было ждать многого.

Но уже первое отделение, в котором Екатерина Апекишева выступала соло, продемонстрировало: пианистка находится не в лучшей форме. Ее отличительных черт — железного чувства ритма, формы и времени — замечено не было. «Анданте и вариации» для фортепиано Йозефа Гайдна представили в самой высокопарной, тоскливой и неповоротливой трактовке, которую только можно вообразить. Это впечатление возникло из-за совершенно обычных, бытовых оплошностей, которые допустила пианистка. Этому учат в первом классе детской музыкальной школы: при поднятых пле-

чах, отклоненном назад корпусе и вытянутых прямых руках у мышц нет возможности действовать свободно. Они зажимаются, и о красивом, наполненном звуке можно забыть.

Глубокомысленно и томно задирая голову к небу, она выглядела так, как в комедиях обычно изображают «серьезного музыканта». Но если внешний облик пианиста — это, в конце концов, его личное дело, то музыкальный результат касается и публики тоже. Плавные и иногда даже нетипично сентиментальные для Гайдна музыкальные фразы то и дело огрызались резкими случайными акцентами. А Сонатина Мориса Равеля из шедевра мягкого и прозрачного импрессионизма превратилась в злобную, бескомпромиссную и доходящую до тупости пьеску. Тема первой части звучала резко, в то время как мелкие быстрые ноты аккомпанемента, задуманные автором как светлый размазанный фон, привнесли в исполнение еще и ощущение панического ужаса.

Апофеозом «неравельного» Равеля стал финал Сонатины — «Anime». Интонация темы в версии пианистки была близка уже просто к революционным и массовым песням, а стремительные кульминации были сыграны в абсурдном, бешеном и не обоснованном ничем темпе.

Казалось, второе отделение станет спасительным. Но в камерной музыке — сонатах Клода Дебюсси, Николая Каретникова и Дивертисменте Игоря Стравинского — пианистка, казалось, не поставила перед собой иной задачи, кроме как совпасть со скрипачом в сильных долях. Ни о каком совпадении внутренних состояний, образов или идей и речи не было. Обидно, но, несмотря на редкой культуры звук скрипки Бориса Бровцына, несмотря на его отдачу, яркость и даже несмотря на его способность просто-таки прибить публику к креслам одним своим темпераментом, спастись от Гайдна и Равеля первого отделения не удалось и во втором.